

ЛЕГЕНДАРНЫЕ
☆ АСЫ ☆
СССР

Евгений
ПОЛИЩУК

«АХТУНГ!
ПОКРЫШКИН
В ВОЗДУХЕ!»

«Сталинский сокол» №1

Легендарные асы СССР

Евгений Полищук

«Ахтунг! Покрышкин в воздухе!».
«Сталинский сокол» № 1

«Яуза»

2014

Полищук Е.

«Ахтунг! Покрышкин в воздухе!». «Сталинский сокол» № 1 /
Е. Полищук — «Яуза», 2014 — (Легендарные асы СССР)

«Ахтунг! Ахтунг! В небе Покрышкин!» – несло из всех немецких станций оповещения, стоило ему подняться в воздух, и «непобедимые» эксперты Люфтваффе спешили выйти из боя. «Храбрый из храбрых, вожак, лучший советский ас», – сказано в его наградном листе. Единственный Герой Советского Союза, трижды удостоенный этой высшей награды не после, а во время войны, Александр Иванович Покрышкин был не просто легендой, а живым символом советской авиации. На его боевом счету, только по официальным (сильно заниженным) данным, 59 сбитых самолетов противника. А его девиз «Высота – скорость – маневр – огонь!» стал универсальной «формулой победы» для всех «сталинских соколов». Эта книга предоставляет уникальную возможность увидеть решающие воздушные сражения Великой Отечественной глазами самих асов, из кабин «мессеров» и «фокке-вульфов» и через прицел покрышкинской «Аэрокобры».

© Полищук Е., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

От автора	5
Возвращение в Краснодар	6
1	6
2	10
3	12
4	13
5	17
6	19
7	22
8	26
9	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Евгений Полищук

«Ахтунг! Покрышкин в воздухе!». «Сталинский сокол» № 1»

От автора

«Тревога! Тревога! Покрышкин в воздухе! Покрышкин в воздухе!» – неслось в воздух с земли на Кубани с мая по август 1943 года. Это немецкие наводчики предупреждали своих пилотов – в районе боевых действий появилась смертельная угроза. Крутили в ужасе головами молодые пилоты, лихорадочно разыскивая в небе силуэт красноносой «аэрокобры». Невольно прижимались друг к другу опытные, норовя при первом же удобном случае повернуть на свой аэродром. Появление советского аса всегда было неожиданным, атаки молниеносными, кинжальные удары – смертельными.

Александр Иванович Покрышкин был безоговорочно признан лучшим летчиком-истребителем Великой Отечественной войны всеми советскими специалистами и летчиками-ветеранами. «В бою все средства хороши, – не раз говорил он. – Надо было лишь знать, когда их применять, в какой обстановке и в каких комбинациях».

Не раз встречался в боях Покрышкин с довольно сильными противниками, пилотировавшими, может быть, не хуже его. В таких случаях, прощупав немца, он отказывался от обычных приемов и применял новые. Порой, встретив опытного и хитрого противника, Александр Иванович не мог сразу предугадать его замысел. Тогда он дублировал маневр немца, внимательно наблюдал за каждым его движением и, в конечном счете, ловил его на допущенной ошибке и сбивал.

Все немецкие летчики на Кубани знали фамилию Покрышкина очень хорошо, впрочем, как и фамилии других советских асов – Фадеева, братьев Глинка, Скоморохова, Семенишина и других. За ними специально охотились.

А. И. Покрышкин проявил себя и как выдающийся авиационный педагог, воспитавший целую плеяду блестящих летчиков-истребителей. Только в 16-м гвардейском истребительном полку, а потом в 9-й истребительной дивизии, которыми он командовал, были четыре дважды Героя и тридцать девять Героев Советского Союза. Около девятисот человек были награждены орденами страны.

В предлагаемой книге в литературно-художественной форме описан самый «звездный» период жизни А. И. Покрышкина и его однополчан – участие в боях за Кубань и Крым в 1943 году. За этот год Покрышкин был трижды представлен к званию Героя. Такого история советской авиации еще не знала!

Книга является данью глубочайшего уважения к русским людям, патриотам своей страны, продемонстрировавшим всему миру образцы высочайшего героизма, мужества и человеческого достоинства. Это попытка связать прошлое с настоящим. Ведь история, наверное, для того и существует, чтобы мы не забывали о подвигах наших отцов и дедов.

В книге использованы воспоминания самого А. И. Покрышкина, его жены Марии Кузьминичны, публикации Ю. А. Жукова, А. В. Тимофеева, Ю. С. Устинова, материалы военных архивов и статьи военных специалистов.

Автор

Возвращение в Краснодар

1

В середине февраля 1943 года Южный фронт, освободив город Ростов, отрезал не успешную выбраться через ростовскую «горловину» на широкие просторы Украины 17-ю немецкую армию генерал-полковника Руоффа. За ее спиной оказались Черное и Азовское моря.

Разгром этой группировки возлагался Ставкой Верховного Главнокомандования Советской Армии на СевероКавказский фронт. Освободив в ходе ожесточенных боев Пятигорск, Нальчик, Минеральные Воды, Ставрополь, Майкоп и Краснодар, этот фронт 22 февраля свое наступление вынужден был приостановить. Ранняя весна, вызванная ею распутица привели все грунтовые дороги в негодность. Кругом стояла непроходимая грязь. Аэродромы, неоднократно в ходе боев переходившие из рук в руки, от постоянных бомбежек оказались разбитыми, а железные и автомобильные дороги немцы при отступлении разрушили. В итоге войска СевероКавказского фронта оказались без боеприпасов, продовольствия, отстали танки и артиллерия.

Гитлеровское командование, используя создавшуюся паузу, руками советских военнопленных и местного населения начало срочно возводить три оборонительные линии под общим названием «Готтенкопф», которые позже русские назовут «Голубой линией». С созданием этих линий обороны Гитлер и его генералы связывали большие надежды, считая, что они позволят сохранить кубанский плацдарм для последующего развертывания с него новых наступательных операций на Кавказе.

Уже 28 марта начальник немецкого генерального штаба генерал Цейтлет сообщил командующему группы армий «А» фон Клейсту: «Фюрер решил, что 17-я армия должна удерживать позицию «Готтенкопф», включив в нее Новороссийск, во что бы то ни стало».

Включение Гитлером города Новороссийска в позиции «Готтенкопф» принесло немецкому командованию немало хлопот. Дело в том, что Новороссийск немцы пока удерживали, но русские под городом ухитрились создать насыщенный войсками плацдарм, который ставил под угрозу все оборонительные линии.

Сил у генерал-полковника Руоффа на Таманском полуострове и кубанском плацдарме было предостаточно – около 350 тысяч солдат и офицеров. К тому же ему планировалось оказать помощь авиацией, которая на Тамани, в Крыму и на юге Украины располагала сетью аэродромов с бетонными взлетными полосами, в то время, как у Северо-Кавказского фронта был единственный такой аэродром в Краснодаре, но и тот находился на значительном расстоянии от полей будущих сражений. Грунтовые аэродромы в связи с весенней распутицей использовать пока было невозможно.

Меж тем весна уверенно вступала в свои права. Установилась теплая, солнечная погода. Прикубанские чернозольные лиманы заполнялись перелетной птицей. Ночью, когда в лунном золоте плесов играли белобрюхие сазаны, высоко в небе слышалось курлыканье вечных странников – журавли, тяжело помахивая могучими крыльями, летели в свои заветные места. Шумели воды Кубани, кружились под крутояром пенные стремнины, и молочай над отслоенным глинищем вытягивал липкие растопыренные стебли. Поднимались степные травы, пустынные поля, густо помеченные воронками от снарядов и бомб, гостеприимно принимали грачиные стаи.

Восьмого апреля, после полудня, шестерка американских истребителей «аэрокобра» на бреющем с грохотом прошла над взлетной полосой аэродрома в Краснодаре и сделала горку. На высоте около двухсот метров ведущий перевернул свой самолет на спину, потом выровнял

его и, заложив крутой вираж, с ходу пошел на посадку. За ним маневр повторили остальные. Один, правда, несколько замешкался, сделав недостаточно энергичный разворот.

– Вот это да! Вот это мастера! – восторженно воскликнул кто-то из летчиков, наблюдавших на стоянке за посадкой новеньких.

– Наши пришли, 16-й гвардейский! – с гордостью сообщил техник, невысокий коренастый крепыш, стоявший рядом с наблюдавшими. – О Саше Покрышкине слышали?

– Нет.

– Ну ничего, скоро услышите, – уже на ходу бросил он, торопливо направляясь к первому из прилетевших истребителей под номером тринадцать. Все прибывшие были с красными обтекателями винтов и такой же красной вертикальной полосой на киле. Несколько непривычно выглядели эти боевые машины: носовая стойка шасси вместо задней опоры, как у наших истребителей, поддерживала самолет спереди, отчего его хвост был постоянно приподнят.

Первая «кобра» закончила пробег, подрулила к краю бетонированной полосы, резко развернулась на месте и затихла. Съезжать с полосы было опасно – кругом стояла непролазная кубанская грязь, и все самолеты теснились на полосе один возле другого, словно воробьи на заборе.

У истребителя, как у автомобиля, открылась боковая дверца, из кабины быстро выбрался летчик, снял с себя и оставил на крыле парашют, кожаный реглан, быстрым движением привычно одернул гимнастерку со шпалами капитана на петлицах, надел на голову примятую «блинчиком» фуражку, которую достал из-под сиденья, и спрыгнул на землю. Слегка прихрамывая на правую ногу, пилот отошел от самолета в сторонку и остановился.

Был он выше среднего роста, широк в плечах, стройный, с развитой мускулатурой. Во всех его движениях сквозила упругая точность, свидетельствующая о хорошем владении своим телом. Его сухощавое, резко очерченное лицо выражало недовольство, он хмуро поглядывал вокруг, осматривая аэродром, видимо, ожидая, пока подойдут его товарищи.

Пять летчиков, весело переговариваясь между собой, уже спешили к нему.

– Как машина, товарищ гвардии капитан? – спросил у летчика подбежавший невысокий техник.

– Подожди, Гриша!

Техник послушно отошел в сторону. Летчики приблизились.

– Неважно сядились, – негромким баском отрывисто заговорил капитан. – Ты, Козлов, почему замешкался на вираже? Думал, я не увижу? Так тебя «худой» и срежет, если будешь медлить при посадке. Понял?

– Понял, товарищ гвардии капитан.

«Худыми» летчики между собой называли немецкие истребители «Мессершмитт-109», или просто «Ме-109», или «месс».

– Ладно, пошли на КП. Потом разберемся, – скомандовал капитан, и все энергичным шагом направились в сторону развевающегося вдалеке флажка и стоявшей рядом с небольшим строением – командным пунктом, КП, как сокращенно называли его летчики – легкой автомашины.

Там прилетевшие ранее летчики о чем-то оживленно переговаривались. Прибывшие тоже активно включились в разговоры. Все с тревогой и волнением поглядывали на горизонт – ждали прибытия третьей эскадрильи под командованием Вадима Фадеева. Вел ее опытный пилот, штурман полка Пал Палыч Крюков.

– Куда же твой друг делся, Саша? – спросил у прибывшего капитана командир второй эскадрильи Тетерин, один из тех, кто начал воевать с полком в Молдавии в сорок первом. – Не могли же они пропасть с таким штурманом, как Пал Палыч!

Капитан промолчал. Он вообще по характеру был человеком сдержанным и немногословным. «Действительно, где же они? Все сроки уже прошли, – размышлял он. – Может, с ними что-нибудь случилось на маршруте?»

– Думаю, их можно уже не ждать. Полетное время вышло. Видимо, сели на другом аэродроме, – наконец ответил капитан Тетерину.

Командир вновь прибывшего 16-го гвардейского истребительного полка майор Исаев нервно прохаживался в сторонке. Увидев капитана, он с досадой бросил:

– Вот, Покрышкин, результаты деятельности в полку вашего Иванова. Это не гвардейцы, а разгильдяи!

Иванов командовал полком с начала войны, а летом сорок второго по ранению был отправлен в тыл, и его сменил Исаев.

– Перелетал весь полк, – парировал Покрышкин. – Видимо, командиру самому надо было его вести...

Намек был прозрачен. Исаев плохо летал и побоялся возглавить перелет полка в Краснодар.

– Ты свои привычки указывать начальству брось! – вспыхнул Исаев. – Видимо, мало мы проучили тебя в прошлом году.

Стоявший рядом с Покрышкиным заместитель командира полка по политчасти Погребной дернул Александра за рукав гимнастерки.

– Не связывайся ты с ним, Саша! Держи себя в руках, – шепнул он.

– А чего он свою злость срывает на Иванове! Нас, боевых летчиков, разгильдяями называет. А сам? За полтора года пребывания в полку он не сделал ни одного боевого вылета! Только и знает, что командовать...

Ответить Погребной не успел.

– Михаил Акимович! – обратился к нему Исаев. – Забирайте людей и устраивайтесь с жильем!

– Есть, товарищ командир!

Погребной махнул рукой, и все летчики дружно двинулись к небольшому строению, видневшемуся вдалеке. Шли и чертыхались – черная тягучая грязь липла к сапогам, превращая их в пудовый груз.

Наконец добрались. В просторном длинном помещении вдоль стен были оборудованы двухэтажные нары, на нижних полках которых уже разместился летный состав 45-го истребительного полка, перебазировавшегося в Краснодар раньше. 16-му пришлось довольствоваться вторым этажом.

С шутками летчики взялись взбивать на нарах соломенные матрасы, раскладывать свои пожитки, с опаской посматривая на тонкие стойки, подпирающие второй этаж, – выдержат ли они.

– Нашего Вадима эти нары точно не выдержат. Клянусь! – бросил кто-то из шутников.

Все дружно захохотали. За тему ухватились и стали дружно ее развивать.

– Вот нижним достанется!

– Ничего, будут долго помнить гвардейцев!

По бараку то и дело катился хохот.

– Весельчаки прибыли, – сердито пробурчал кто-то с нижнего этажа. – Посмотрим, как они будут веселиться, когда с «худыми» встретятся!

Покрышкин, бегло осмотрев постель, сложил на нее свои пожитки и направился к Погребному, который стоял в конце коридора и о чем-то беседовал с командиром батальона аэродромного обслуживания, или, как все его называли – БАО.

– Товарищ замполит! Разрешите выехать в город – нужно постричься и прикупить кое-что по мелочи.

О мелочах Покрышкин придумал – просто ему хотелось осмотреть город.

– Можешь дать ему машину? – обратился Погребной к командиру БАО.

– Мой «газик» вас устроит? – спросил тот у Покрышкина.

– Вполне.

– Тогда берите и езжайте.

Услышав о предстоящей поездке, стоявшие рядом летчики тут же заявили, что им тоже надо постричься. «Газик» оказался заполненным до отказа.

2

С тяжелым сердцем Покрышкин возвращался в город своей молодости. Здесь до войны он учился летать на планере, в местном аэроклубе поднялся в свой первый самостоятельный полет на «У-2», наконец, здесь добился разрешения на поступление в летную школу и отсюда уехал в городок Кача под Севастополем, чтобы стать военным летчиком. Сколько же сил и энергии он потратил за те девять лет, чтобы завоевать право встать в строй военных летчиков-истребителей! Об этом знал только он один. И произошло все это всего лишь пять лет назад. Пять лет, но сейчас ему казалось, что это было так давно.

Из газет он уже знал, что Краснодар сильно разрушен. И вот сейчас, сидя за рулем набитого летчиками «газика», медленно и осторожно лавируя между завалами камней, срубленных деревьев, воронок, он не узнавал знакомые и близкие его сердцу места. На месте красивых домов стояли закопченные кирпичные остовы стен с пустыми глазницами, бывшими когда-то окнами и дверями, вместо густых тенистых аллей, – обугленные, расщепленные столбы, которые уже никогда не зазеленеют. Где эти зеленые, нарядные, заполненные людьми улицы, залитые огнями витрины магазинов?

Вот здесь была библиотека – сколько раз он брал тут книги, работая над чертежами своих рационализаторских предложений, или когда готовился к экзаменам в Академию военно-воздушных сил. Здесь был кинотеатр, – показывал он ребятам на мрачную каменную коробку, – тут молодые авиатехники смотрели фильм «Веселые ребята», выпуски кинохроники о боях в Испании, а потом бурно обсуждали события в мире. Какой далекой сейчас казалась ему эта война, и как близко принимал он ее тогда к сердцу.

...Он песенку эту твердил наизусть...
Откуда у хлопца испанская грусть?
Ответь, Николаев, и Харьков, ответь:
Давно ль по-испански вы начали петь?
Откуда ж, приятель, песня твоя:
«Гренада, Гренада, Гренада моя».

Кто из комсомольцев не напевал тогда эту песню? А вот и большой дом – «стоквартирка», где он прожил три года. То, что от него осталось, коробку, он узнал сверху, когда подлетал к Краснодару. Вот там была когда-то его комната...

Офицеры выбрались из «газика» и пошли пешком. Покрышкин показал, где раньше располагался Дом офицеров, незаметно подошли к аэроклубу. Перед его разрушенным зданием Саша остановился и замолчал. Сердце защемило от горестных воспоминаний, ребята, сочувствуя, тоже приумолкли...

Они гуляли уже около двух часов и порядком устали. Увидев на одном из уцелевших зданий вывеску «парикмахерская», кто-то сказал, что неплохо бы все-таки постричься, и все дружно повернули к входу.

В большой комнате помещалось три обшарпанных стола с зеркалами на них и такие же обшарпанные кресла. За первый стол, оказавшийся свободным, сел Покрышкин, и им тут же занялся седой, узкогрудый старик с большим крючковатым носом.

– Вы меня не узнали? – спросил его Александр. – Вы оставались в городе или эвакуировались?

Старый мастер внимательно посмотрел на капитана, и слезы непроизвольно потекли из его глаз. Только теперь он узнал своего клиента, неоднократно стригшегося у него до войны.

Старик всегда был словоохотливым человеком. Раньше от него можно было узнать все городские новости. Теперь он изменился. Радости от неожиданной встречи хватило ненадолго, он как-то сразу сник и тихо заметил:

– Боюсь, что вы вряд ли встретите в городе кого-то из старых знакомых. В Краснодаре больше мертвых, чем живых...

И пока стриг и брил Покрышкина, он медленно, бесстрастным голосом, рассказывал о «новом порядке», установленном немцами в оккупированном городе – о виселицах в парке, о трупах в противотанковых рвах, о «душегубках» – автобусах, в которых людей душили окисью углерода.

В зале стало совсем тихо. Женщины-парикмахерши прекратили работу и скорбно молчали.

Покрышкину стало не по себе. С трудом дождавшись, пока летчики закончили стрижку, он вышел на улицу. Его спутники тоже заторопились.

– Надеюсь всех вас увидеть в моем кресле после победы над врагом!

Они оглянулись. Старый мастер стоял у двери и махал им вслед рукой.

Все молча погрузились в машину и поехали. У Александра крутились в голове строки Симонова:

Когда тыходишь в город свой
И женщины тебя встречают,
Над побелевшей головой
Детей высоко поднимают;
Пусть даже ты героем был,
Но не гордись – ты в день вступления
Не благодарность заслужил
От них, а только лишь прощенье.
Ты только отдал страшный долг,
Который сделал в ту годину,
Когда твой отступивший полк
Их на год отдал на чужбину...

3

По прибытии из города летчики узнали, что эскадрилья Фадеева так и не прилетела. Пора было устраиваться на ночлег.

Не успели они снять обмундирование, как снаружи послышался треск мотоцикла. Потом он умолк, и через минуту раздалась команда дневального: «Смирно!» Все вскочили.

Покрышкин вместе со всеми встал по стойке «смирно». По коридору барака, прямо на него, быстро шел коренастый военный в фуфайке без знаков различия. За ним едва поспевал командир полка Исаев, делая на ходу окружающим отчаянные знаки. Дойдя до Покрышкина, военный остановился, подал команду «вольно» и первым протянул Саше руку:

– Командир 216-й авиационной истребительной дивизии генерал-майор Борманов.

– Гвардии капитан Покрышкин!

– Присаживайтесь, товарищи! – предложил командир дивизии и сам присел на услужливо подставленную Исаевым табуретку. – Ну как долетели? Нормально? Без одной эскадрильи? Ну, с этим вопросом мы уже разобрались. Эскадрилья в полном составе села у железнодорожной станции Лабинская. Ведущий группы, приняв разлив Кубани за море, решил, что сбился с маршрута, и взял немного правее. Завтра они будут здесь. Бензовозы к ним уже отправлены.

По документам комдив Борманов знал историю прибывшего 16-го гвардейского истребительного полка и был доволен, что гвардейцы, получив двадцать семь скоростных американских «аэрокобр», вливаются в его дивизию в разгар боев на Кубани. Сейчас ему хотелось познакомиться с людьми и узнать их поближе.

– А что это вы, товарищи офицеры, все еще кубики и шпалы носите? А там, на Каспии, вам что, еще погон не вручали? Нет. Ну, мы это быстро исправим. А вас, товарищ капитан, за что наградили орденом Ленина?

Покрышкин от такого неожиданного вопроса даже растерялся.

– За разведку, товарищ генерал, – подсказал сидевший рядом Гриша Речкалов, быстрый на язык парень. – Он танки Клейста разыскал.

– Вот как! – воскликнул Борманов. – Интересно, что это была за разведка.

4

Покрышкин сразу вспомнил бои под Ростовом в конце ноября 1942 года. Измотав противника, наши войска перешли в наступление. Как назло, совершенно испортилась погода, летать группами стало невозможно, и летчики сильно переживали от того, что не могли помочь наземным войскам. Оставалась лишь одна возможность – вылетать в разведку в одиночку.

В один из таких серых ненастных дней его срочно вызвали на командный пункт полка. Собираясь, он хотел прихватить с собой планшет, но, выглянув за дверь землянки, убедился, что карта вряд ли ему понадобится: облака висели так низко, что не виден был даже противоположный конец аэродрома.

Пробежка до КП заняла минуту, и вот он уже стоит перед командиром полка Ивановым, высоким, плотным, широкоплечим человеком с добрыми карими глазами. По тому, как Виктор Петрович протянул ему руку и усадил рядом с собой на табуретку, Покрышкин догадался, что ему предстоит выполнять какое-то важное задание.

– Ну, как твое самочувствие, Покрышкин? – тепло, и хотя он был старше всего на три года, по-отечески ласково обратился Иванов к летчику. Покрышкин давно уже заметил, что командир полка ему симпатизирует, хотя на людях этого никогда не показывает. Но стоило им остаться вдвоем, как они начинали улыбаться друг другу, беседовать по-простому, не соблюдая субординации. Покрышкину всегда хотелось спросить комполка о его здоровье, о его близких, но он стеснялся и только смотрел на него преданными глазами. А Виктор Петрович мог положить руку на плечо летчика и спросить, почему на нем такая старая гимнастерка, что ему пишут из дома. Он всегда внимательно выслушивал все деловые предложения Покрышкина, приговаривая при этом свое излюбленное «хорошо, хорошо», и учитывал их в своей работе.

Вероятно, он не только с Покрышкиным поддерживал такой душевный контакт, но и с другими летчиками тоже, стараясь каждому из них передать частицу тепла своей щедрой души, вселить в это трудное время уверенность в победе над врагом. Ведь недаром же его все так любили в полку и старались во всем ему подражать, особенно в умении пилотировать самолет.

– Хорошее, товарищ майор.

– А знаешь ли ты, Покрышкин, что наш полк представлен к званию «гвардейский»? В старой русской армии были лейб-гвардии Семеновский и Преображенский полки, в Гражданскую войну была Красная гвардия, а теперь вот и наш 55-й полк вступает в ряды гвардейцев. А разве мы не заслужили такую честь? – спросил майор, оглядывая присутствующих.

– Я думаю, что вполне заслужили, – заметил начальник штаба полка Матвеев.

– Вот я тоже так думаю, – продолжил Иванов. – Ну а теперь к делу: надо лететь, Покрышкин.

– Сейчас?

– Да, только что звонил командир дивизии. Получено важное задание из штаба фронта. Надо, Покрышкин, найти танки генерала Клейста. Комдив грозит – не найдем танки, не быть нам гвардейцами.

– Если лететь, то только одному.

– Безусловно. При такой погоде двое не пройдут.

О танковой группе Клейста в полку уже знали. Проскочив западнее Орехова, проутюжив ряд районов Донбасса, танки достигли Дона. Клейст пытался с ходу взять Шахты, чтобы потом форсировать Дон и обойти Ростов. Но неожиданно столкнулся с яростным сопротивлением советских войск и, получив под Шахтами сокрушительный удар, генерал откатился назад и под покровом ноябрьских туманов куда-то исчез.

Покрышкину предстояло в течение одного-двух часов осмотреть с воздуха все прифронтовые лесополосы, лесочки, долины и села около Шахт, найти эти проклятые танки, указать их

точное местоположение, чтобы советское командование могло составить представление, куда могут быть направлены танковые силы группы «Юг». Для советских войск, обороняющихся в районе Донбасса, это был вопрос жизни или смерти.

– Дайте мне двухкилометровку, – обратился летчик к начальнику штаба. – Моя карта малого масштаба и для такого полета не годится.

Никандрыч, так летчики называли между собой своего начштаба, молча расстелил на столе нужную карту, и Покрышкин занялся прокладкой маршрута. «Выйти к Дону, повернуть на юг, потом взять вправо и лететь вдоль дороги, ориентируясь по телеграфным столбам. Дойти до линии железной дороги и снова повернуть влево, – тихо шептал он. – Так, нужно просчитать время пролета каждого ориентира и проиграть несколько вариантов восстановления потерянной ориентировки».

Раздался зуммер полевого телефона. Трубку поднял Никандрыч.

– Да, да, готовимся. Вылетает Покрышкин, – ответил он. Потом протянул трубку Покрышкину:

– Тебя. С тобой хочет говорить командир дивизии.

Саша взял трубку. Сквозь шелест и треск отчетливо послышался высокий голос генерал-майора Осипенко.

– Покрышкин, надо найти танки! – Генерал больше просил, чем приказывал, и это было на него совершенно не похоже. Давно ли он разносил в пух и прах всех, кто ему попадался под горячую руку? Особенно от него доставалось Морозову, Покрышкину и Колесникову, часто в спорах отстаивавшим свое мнение. Покрышкина в начале июля сорок первого он снял с должности заместителя командира эскадрильи и пригрозил, что не даст ему ни одной награды, пока он, Осипенко, будет командовать дивизией. И ведь правда не дал, хотя Саша к ноябрю сорок второго сбил около десятка немецких самолетов, да и других боевых дел совершил немало. Видно, здорово его припекло, раз так заговорил.

– Понял, Покрышкин, надо найти танки! – повторил Осипенко, полагая, что так летчик проникнется важностью предстоящего задания. Чувствуя, что слов «надо найти» недостаточно, он продолжил: – Мы сегодня уже потеряли два «И-16» в этом поиске. Они не возвратились. Знаешь, зачем я говорю тебе об этом?

– Знаю. Я должен возвратиться, товарищ комдив.

– И с данными.

– Есть, вернуться с данными.

– Посмотри на Чалтырь. Там наши окружили вражеские войска. Но главное – танки!

– Есть, главное – танки!

– Найдешь, представим тебя к ордену!

– Задание будет выполнено, товарищ генерал!

Покрышкин положил трубку, повернулся и, увидев стоявшего у двери землянки специалиста по метеорологическому обеспечению боевой работы Кузьмина, шагнул к нему.

– Какая сейчас погода и что ты ожидаешь там? Как с запасным аэродромом? – быстро спросил он.

– Погода плохая, – заторопился Кузьмин, – полная облачность, туман с моросью, горизонтальная видимость в пределах 300-500 метров. Ветер переменный, 3-4 метра в секунду, температура воздуха – плюс два! Такая погода занимает большой район, о запасном аэродроме не может быть и речи. Надо идти только домой.

– Шарик запускал? Какая нижняя сейчас?

– Запускал, запускал перед тем, как шел сюда на доклад. Нижняя у нас 35-40 метров.

Кузьмин виновато опустил глаза, зная, что летчики часто ругают метеорологов за плохие прогнозы.

– Следи за погодой. Понял?

Взяв со стола карту, Покрышкин стремительно вышел из землянки.

Его «МиГ-3» был уже готов к вылету. Техник Гриша Чувашкин даже прогрел мотор. Покрышкин по привычке обошел самолет, осмотрел крепление стоек шасси, потрогал концы крыльев, слегка покачал киль, затем энергично поднялся на крыло, надел парашют и легко бросил тело в кабину.

Через минуту послышался басовитый рев мотора. Прогнав его несколько раз на высоких оборотах и убедившись, что он работает нормально, Покрышкин взлетел.

Почти сразу исчезла видимость. Кузьмин был прав, облачность на указанной высоте, горизонт закрыт, видимость – только перед самолетом.

Он решил строго придерживаться намеченных ориентиров. Только бы не сбиться. Пронеслась станица Богаевская, от нее дорога на Новочеркасск, затем должна быть речка. Где же она? Ага, вот и речка, за ней Чалтырь.

Вот Чалтырь – но что это? По дороге к поселку спокойно движутся немецкие мотоциклисты. Если город окружен, то вокруг него должны быть наши войска? Но пока видны только немцы.

Покрышкин снизился еще – кажется, если бы были выпущены шасси, он бы ударил по головам мотоциклистов. Проскочил Чалтырь, на его южной окраине заметил танки. «Чьи это? Наши? И так много? У наших до сих пор столько не было. Надо подойти ближе».

Легкий доворот, и вот отчетливо видны белые кресты на башнях. На западной окраине Чалтыря их собралось более десятка. «Видимо, это танки из группы Клейста. Но кто же в самом Чалтыре?».

Еще один заход, теперь с другой стороны поселка. По курсу стремительно проносятся пустынные дворы и улочки. «Ага, теперь отчетливо видно, как из домов и траншей ведется огонь в сторону немцев. Значит, в Чалтыре окружены войска, а в штабе армии думают... Необходимо срочно вернуться и предупредить».

Без особых затруднений, по старому маршруту, он вернулся на свой аэродром и сразу доложил в штаб дивизии об обстановке в Чалтыре. Дежурный не поверил, предположив, что Покрышкин ошибся. «Пошлите другого летчика, и все сразу станет ясным», – предложил Александр. Вылетевший вслед за ним летчик подтвердил его данные.

Пока заправляли самолет, Покрышкина опять вызвал командир дивизии и потребовал во что бы то ни стало найти танки.

Саша вылетел вновь. Теперь он решил искать в других местах – у лесополос и проселочных дорог.

К вечеру погода стала ухудшаться. В воздухе замелькали снежинки. За линией фронта он снизился до предела. Вот дымчатым пунктиром мелькнула дорога, размытыми тенями пробежали деревья, телеграфные столбы, дома... «Надо уходить на запад от Новочеркаска».

Навстречу понеслись редкие, но крупные снежинки. Вот где пригодился опыт полетов на бреющем, который он отрабатывал до войны, перегоняя в летний лагерь собранные в Бельцах «МиГи».

«Что это? Что за черный вал несется навстречу? Фу-у... отлегло от сердца. Это мелкая речушка. Вода на фоне запорошенной снегом степи показалась выпуклым, черным валом! Однако никаких следов танков не видно, а горячее уже кончается. Неужели их здесь нет?! Неужели не оправдаю доверия и не найду их? А если они здесь где-то спрятаны и завтра из этого района нанесут удар по нашим войскам? Что скажут тогда командиры и боевые товарищи? Нет, надо осматривать квадрат за квадратом. Еще один, и тогда пойду домой. В крайнем случае полечу еще раз».

И в это мгновение чуть правее по курсу, в стороне от грунтовой, слегка запорошенной снегом дороги, он увидел на стерне ровные параллельные полосы, которые вели к лесополосе. Такие следы остаются только от гусениц танков.

Проскочив лесополосу, он развернулся и наконец отчетливо увидел их: вот они, стоят в кустарнике, в три ряда, плотно прижавшись друг к другу, машин двести... Танки Клейста! Экипажи, черные, как жуки, уверенные, что в такую погоду им нечего опасаться, развели костры. Увидев звезды на крыльях истребителя, с грохотом пронесшегося над самыми их головами, они с перепугу бросились в разные стороны: кто в кусты, кто под защиту брони.

Пролетев над танками, Покрышкин развернулся, намереваясь еще раз пройти над группой, чтобы привязать ее местонахождение к карте и заодно посчитать, сколько же танков прячется в этой ложине. Но пока он маневрировал, немцы опомнились и теперь встретили его таким плотным огнем «эрликонов», что ему пришлось срочно нырять в облака и отваливать в сторону. От разрывов зенитных снарядов облака светились, как от грозových молний.

«Нашел! Нашел! – Все пело и ликовало внутри. – Задание выполнено – танки в районе Каменного Брода. Теперь они никуда не денутся. Завтра полетит кто-нибудь другой и уточнит, куда они двинутся», – шептал он, направляясь на свой аэродром.

Домой он добрался быстро – ориентиры, которые он запоминал перед вылетом, не подвели. Быстро зарулив на стоянку, он бегом направился на КП. Первым у входа в землянку ему встретился Кузьмин.

– Как погода? – спросил метеоролог.

– Погода была твоя – как сказал, так и было. Понял?!

И весело хлопнув его по плечу, Покрышкин шагнул в дверь землянки.

– Нашел? – Иванов медленно подымался из-за стола.

– Нашел, товарищ командир! – радостно выкрикнул Покрышкин.

– Ну слава богу! А то мы уже извелись тут. Полетное время подошло к концу, а тебя все нет и нет!

Иванов улыбнулся своей открытой, доброй улыбкой, а вместе с ним улыбались и все присутствующие. Комполка с облегчением опустил на свою табуретку.

Связистка Валя быстро соединилась со штабом дивизии, и летчик коротко доложил: квадрат местонахождения танков и приблизительное их количество. Осипенко поблагодарил. Потом об этой находке в штабе дивизии говорили целую неделю.

А Клейсту так и не удалось тогда нанести по нашим войскам внезапный удар. При выдвижении он был встречен мощным огнем противотанковой артиллерии и, хотя и взял Ростов, но ненадолго. Через несколько дней Красная Армия вновь овладела городом. Покрышкин радовался: его данные помогли наземным частям заблаговременно подготовить противотанковую оборону и в конечном счете выиграть сражение.

Конечно, всего этого Борманову он рассказывать не стал. Отделался короткими односложными ответами, чтобы командир дивизии не подумал, что он хвастает.

5

Меж тем Борманов, потолковав с летчиками еще несколько минут, вдруг переменял тему и заговорил с самым серьезным видом.

– Войска Северо-Кавказского фронта сломали оборону немцев на Тереке и начали наступление с целью освободить Таманский полуостров. Противник стремится не только его удержать и ликвидировать наш плацдарм в районе Мысхако, но сравнительно малыми силами – войсками семнадцатой армии сковать крупные соединения войск нашего фронта и не допустить их переброску в район Курска.

Вот такой расклад, товарищи. Немцы рассчитывают сорвать наступление советских войск с помощью авиации. С этой целью на аэродромах Таманского полуострова и в Крыму они сосредоточили около тысячи самолетов. Кроме того, около двухсот немецких бомбардировщиков базируются на аэродромах Донбасса и юга Украины.

Дав летчикам возможность осознать услышанное, Борманов, остро поглядывая на них глубоко посаженными глазами, продолжил:

– Завтра вы вступаете в бой. Будете прикрывать наземные войска. Учтите: бои идут упорные. У немцев опытные летчики из эскадр «Удет», «Бриллиантовая» и «Мельдерс». Помимо «мессершмиттов» они используют новый истребитель «Фокке-Вульф-190». Наши летчики зарекомендовали себя хорошо. В прошлом месяце 216-я дивизия провела пятьдесят один воздушный бой и сбила шестьдесят пять немецких самолетов. В апреле я ожидаю, что бои будут еще более ожесточенные. Много будет зависеть от вас, от того, насколько умело вы сумеете применить новую технику. Опыт воздушных боев у вас есть, традиции у полка неплохие.

Комдив вновь сделал паузу и с еще большим нажимом закончил:

– Прошу учесть: с завтрашнего дня я – на переднем крае, на станции радионаведения в районе Абинский. Мой позывной – Тигр. Оттуда буду наблюдать каждый ваш вылет и буду оказывать вам помощь. Помните об этом и знайте: колебаний, нерешительности – не потерплю! Увидел противника – атакуй! Атаковал – бей наверняка! Сбил – доложи. Не сбил – тоже честно доложи! Понятно? Все! Практические указания получите от командира своего полка. Желаю удачи, товарищи!

Генерал встал. Все летчики тоже вскочили со своих мест. Еще раз внимательно оглядев всех, он поднес руку к козырьку выгоревшей на солнце фуражки и быстрым шагом направился к выходу из барака. Пару минут спустя послышалось удалявшееся тарыхтение мотоцикла. Все облегченно вздохнули.

Тут поднялся и представился незнакомый капитан. Оказалось, что это начальник разведотдела 216-й авиадивизии Новицкий. Он тоже решил ознакомить летчиков с обстановкой в районе предстоящих боевых действий.

Из его сообщения следовало, что немцы на главном направлении превосходили русских по численности самолетов вдвое, к тому же они недавно получили новые модификации «мессершмитта».

После сообщения Новицкого в бараке воцарилось напряженное молчание. Летчики-фронтовики прекрасно понимали, что их ожидает.

– Товарищ капитан! – не сдержавшись, поднялся Покрышкин. – Вот вы сообщили нам о мощной группировке противника на главном направлении. А мы, имея менее тысячи самолетов, зачем-то разделили их на несколько авиационных соединений. Правильно ли это? Ведь протяженность фронта здесь небольшая.

– На этот вопрос я вам ответить не могу. Все действия координирует командование ВВС фронта, – выкрутился капитан от неприятного вопроса.

– Понятно! Мы координируем с начала войны, а немцы нас били по частям и гнали до Волги. Потом мы поумнели и создали воздушные армии. А здесь, на Кубани, что? Опять повторение прошлого? Штабов много, а самолетов мало!

– Покрышкин, прекрати задавать глупые вопросы! – оборвал Александра комполка. – Садись!

«Когда же начальники поумнеют и перестанут использовать авиацию разрозненно, – удрученно размышлял Покрышкин, не замечая, что совещание уже закончилось и все занялись своими делами. – Опять придется воевать «растопыренными пальцами», а не «кулаком», как это было в Сталинграде, и, видимо, рассчитывать на себя».

6

Весь оставшийся вечер Покрышкин провел в беседах с летчиками 45-го истребительного полка Дзусова, занявшими нижний ярус наскоро сбитых нар в бараке. В августе сорок второго шестнадцатый гвардейский передавал дзусовцам свои самолеты перед уходом на отдых, поэтому летчики хорошо знали друг друга.

Из рассказов Бориса Глинки, Николая Левицкого он узнал, что немцы часто стремительно наращивают в бою свои силы и таким образом добиваются в схватках количественного преимущества. Нередко они пытаются оттянуть наших в глубь своей территории, для чего высылают в качестве приманки двух-трех истребителей; пробуют фрицы завлечь наших на высоту до семи тысяч метров, где хорошо чувствуют себя «фоккеры» и опасно для летчика кислородное голодание; группы бомбардировщиков всегда прикрывают истребители сопровождения.

Несколько дней назад нашими летчиками был сбит немец, опустившийся на парашюте на нашу территорию. На допросе он показал, что на Кубань переброшены летные группы из Африки и из-под Харькова, все опытные бойцы. Новые модификации «мессершмитта» имеют более мощные моторы и сильное вооружение. За ними трудно угнаться на пикировании, и горку они берут выше. Появилась у немцев новая машина – двухмоторный бронированный штурмовик «Хеншель-129», вооруженный пушками. Очень опасная штука при атаке в лоб.

От друзей он также узнал, что на Кубани 4-й воздушной армией, в которую влился их 16-й полк, командует хорошо знакомый ему генерал-майор Науменко, 5-й армией – генерал-лейтенант Горюнов. Общее командование ВВС фронта осуществляет генерал-лейтенант Вершинин, которого он также знал с 1942 года.

Вернувшись на свою постель, Покрышкин достал свой походный альбом, в котором с конца сорок первого года графически изображал фигуры пилотажа, производил расчеты, осмысливая то, что совершал во время воздушных боев. «Так, говорите, у них высокая скорость, – тихо шептал он, удобно усевшись на своем топчане. – Развивать скорость можем и мы, но не столько за счет мощности мотора, сколько за счет высоты. Тогда ни один «мессер» не уйдет. Завтра же надо показать новую тактику, которую наш полк опробовал на «Як-1».

Он вспомнил, как в июле сорок второго, под Ростовом, их восьмерка получила задание прикрыть отступающие войска. Тут же на песке перед своим самолетом он начертил схему и разъяснил летчикам: пойдём двумя четверками, одна над другой. Нижнюю, ударную, в составе Бережного, Вербицкого, Мочалова ведет он. Верхнюю, прикрывающую, в составе Труда, Федорова, Искрина ведет Науменко. Превышение прикрывающей над ударной – пятьсот метров.

Они встретились тогда с тремя десятками «юнкерсов», которых прикрывали десять «мессершмиттов». Четверка Науменко с ходу сбила два «мессера», а остальных увлекла за собой на солнце. В это время четверка Покрышкина подожгла три бомбардировщика «Ю-88». Другие побросали бомбы куда попало и повернули домой. Все произошло буквально в несколько минут.

Следующий вылет договорились строить так: внизу идут наши бомбардировщики или штурмовики, второй эшелон занимают истребители непосредственного прикрытия, которые летят парами с превышением друг над другом, и выше всех следует скользящая группа из одной или двух пар. Главное при таком порядке – строго соблюдать высоту между «этажами». Именно высота позволяла обеспечить четкое взаимодействие между парами, свободу из маневра и точность стрельбы всей группы.

Новое прививалось нелегко. В первом же бою под Изюмом скользящая группа «Яков» Федорова ушла за облака и там осталась, а Покрышкину с Бережным, как прикрывающим, пришлось метаться с одного фланга на другой, отражая атаки «мессершмиттов» против наших

«Су-2». Сколько с него сошло потов, пока, изловчившись, он, наконец, сбил ведущего немецкой группы, и остальные «мессеры» сразу отвалили.

Потом, на аэродроме, с эскадрилей состоялся жесткий разговор. «Неправильно оценил обстановку и принял неверное решение! – глядя в упор в глаза Аркадию Фадееву стальным, немигающим взглядом, выговаривал Покрышкин. – Вы не имели права отрываться от группы «Су-2». Теперь мне понятно, почему несут потери «Илы», когда вы их сопровождаете... Как командир эскадрильи, требую строгого выполнения поставленной мною задачи, быть в боевом порядке на своем месте... Если впредь кто-то уйдет со своего места прикрытия, я его расстреляю собственными руками. Отвечу за это, но расстреляю, как предателя! Понятно?»

Постепенно, в ходе налетов на Изюм, Сватово, Старобельск, «этажерка» прижилась, и весь полк начал применять этот боевой порядок. Как ни странно, легко и быстро его усваивали новички, гораздо труднее ветераны, привыкшие к своим приемам в бою. Потерь среди прикрываемых полком штурмовиков и бомбардировщиков практически не было.

«Что ж, завтра предстоит применить нашу испытанную в боях тактику, – продолжал размышлять он. – «Кобра» по мощности мотора и вооружения неплоха, но она все-таки тяжело-вата. Следовательно, нужно рассчитывать на конструктивные недостатки «мессершмитта».

Память тут же услужливо подсказала – лето сорок второго. Иванов вырвал его из череды непрерывных, изматывающих до невозможности боевых вылетов и направил в группу генерала Науменко для изучения трофейных «мессершмиттов». Надеясь хоть немного отдохнуть, он охотно согласился. К тому же интересно было изучить машину, с которой постоянно встречаешься в боях.

И вот он в кабине немецкого истребителя. Сразу решил, что будет работать за двоих, – за себя и за немецкого пилота, нападающего на русского летчика или пытающегося ускользнуть от его атак.

«Мессершмитт» вел себя нормально, если не считать, что его заносило при взлете из-за очень близко расположенных друг к другу шасси. Набрал высоту, Саша начал переключать машину из одного виража в другой, делал боевые развороты, разгонял на горке, потом шел на восходящие спирали и бочки.

Один недостаток он выявил быстро – «мессер» плохо выходил из иммельмана. Но вот другой – чуть его не угробил.

Он ввел машину в вертикальное пикирование, набрал максимальную скорость. Через секунду решил – пора выводить. Резко налег на ручку управления. Никакой реакции! Машина продолжала нестись к земле. Высота стремительно таяла. Он продолжал со всех сил тянуть ручку на себя. Одна секунда, вторая... Наконец, нехотя, самолет стал задирать нос. От сердца отлегло. Вывести его в горизонтальный полет удалось буквально у самой земли.

После посадки Саша обстоятельно продумал свои действия. Получалось – все делал правильно, ошибок не совершал. С утра он опять ушел в зону и, набрав для предосторожности большую высоту, вновь повторил пикирование. И снова самолет вышел из него с трудом. И так еще несколько раз. Результат тот же.

«Мессершмитт» явно вел себя «дубово».

Вечером он разработал приемы для использования слабостей немецкого истребителя в воздушном бою.

«Все это, конечно, хорошо, но как воспримут мои предложения в новой дивизии? Что скажет командование? О Борманове говорят, как о новаторе, энтузиасте применения радиосвязи в авиации. Может, он поддержит?» – продолжал размышлять Александр.

Командир дивизии ему понравился: сразу видно, что разбирается в людях и ценит летчиков. Но поймет ли он его? Хотелось подойти к нему и просто поговорить по душам, рассказать о наблевшем и получить в ответ поддержку своим мыслям.

Покрышкин боялся показаться смешным и навязчивым со своими схемами. Скажут – что за птица? Какой-то капитан будет тут перестраивать тактику истребительной авиации, учить нас.

«Ладно, – решил он, укладываясь на жестком соломенном матрасе. – Завтра в бою буду действовать, как решил, а там посмотрим». С этим и заснул.

7

День только начинался. От Кубани поднималась парная теплота. Поблескивала роса. Степь вокруг аэродрома казалась пышнее, нежели днем, во время зноя, когда листья начинают сворачиваться и от того кажутся острее.

Неспешно прохаживаясь перед летчиками, построившимися в шеренгу возле командного пункта, командир полка майор Исаев разъяснял, каким образом полку предстоит изучать район будущих боевых действий.

– Линия фронта проходит по рекам Курка, Кубань, Вторая Псиж, – толковал майор, – потом через балку Адамовича к Станичке и западным скатам Мысхако. Все эскадрильи должны совместной группой вылететь на облет переднего края, и поведет ее кто-то из командиров соседнего, сорок пятого полка, возможно, сам подполковник Дзусов.

Покрышкин тут же представил себе экскурсию, участники которой сгрудятся у переднего края и будут внимательно его изучать. И достаточно внезапно появиться паре «мессеров», как вся эта затея обернется потерями. «А не лучше ли летать четверками и шестерками? При встрече с противником они будут более маневренными и боеспособными», – чуть не сорвалось у него с языка, но наученный горьким опытом своих прошлых отношений с Исаевым, он промолчал. Ведь командир полка опять может расценить его замечание как подрыв своего авторитета.

Уяснив поставленную задачу, летчики уже начали расходиться по своим самолетам, когда Исаев вдруг окликнул Покрышкина. Тот подошел.

– Из штаба дивизии поступило срочное указание – выслать шестерку истребителей на прикрытие Крымской. К ней могут подойти «юнкерсы» с «мессершмиттами». Думаю отправить вашу эскадрилью.

– Есть!

– Справитесь? – Исаев имел в виду ориентировку над незнакомой местностью.

– Приказ будет выполнен, товарищ командир!

– Действуйте!

Направляясь к своим летчикам, Покрышкин подумал: «Исаев, наверное, не знает, что я до войны служил в Краснодаре и всю эту местность знаю, как свои пять пальцев. Ну и пусть не знает, может, это и к лучшему».

Пятерка летчиков из его эскадрильи уже догадалась, что им предстоит вылет на задание. Ожидая командира, они с серьезными лицами стояли в стороне от остальных.

– Значит, так: – Без лишних слов комэск начал предполетный инструктаж: – Получено срочное указание из штаба дивизии. Идем на прикрытие Крымской. Посмотрите на карту. – Летчики раскрыли планшеты и достали карты. Покрышкин указал на Крымскую: – Вот эта станица. К ней может подойти группа «юнкерсов» под прикрытием «мессершмиттов». Пойдем нашим строем: я с Голубевым внизу, Паскеев с Козловым над нами. Мы – атакующая четверка. Речкалов со Степановым связывают истребителей. Понятно? – острым, лучистым взглядом окинул он их лица.

– Понятно, – за всех ответил Голубев, здоровяк, уверенно чувствующий себя в стихии воздушного боя и уже начавший проявлять нетерпение от излишне подробного, как ему казалось, инструктажа.

Но Покрышкин не спешил. Короткими фразами, словно забивая гвозди, он продолжил:

– В воздухе соблюдать дистанцию... Четко выполнять мои команды... Помните, о чем мы говорили на занятиях... о вертикали. Понятно?

– Понятно, – опять ответил Голубев, а смешливый Гриша Речкалов едва сдержал улыбку.

– Вопросов нет? Тогда по машинам!

Все они прекрасно понимали, о чем идет речь. От «ножниц», приема, который полк начал применять в сорок втором над Каховкой, было решено отказаться. Теперь противника надо было уничтожать внезапными, стремительными атаками, и строй «ножницы» для этого не годился. Покрышкин решил использовать «этажерку».

Состояла она из пары истребителей, расположенных друг над другом с превышением в несколько сот метров, но, в отличие от применяемой под Ростовом, со смещением в сторону солнца. При таком строе и запасе высоты от четырех до шести тысяч метров летчики не опасались никаких неожиданностей. Они прекрасно видели друг друга, и каждый обязан был следить за своим товарищем, защищать его в случае нападения противника сзади.

Большая помощь ожидалась от пункта наведения. Он вовремя должен указать, где находится противник, с тем чтобы ведущий группы мог быстро прикинуть тактическую схему предстоящего боя.

Значительное преимущество «кобр» перед «Яками», на которых они летали в сорок втором, заключалось в том, что американские самолеты были радиофицированы. Это позволяло летчикам поддерживать связь между собой и с землей. Соответственно, командир группы по ходу боя мог предупреждать подчиненных об опасности и вносить поправки в их действия.

На пункт наведения ВВС фронта, обосновавшийся в четырех километрах от передовой, на главном направлении удара сухопутных войск, западнее станицы Абинской, оперативная группа во главе с генерал-майором Бормановым прибыла около шести часов утра.

Участок с несколькими разбитыми строениями, выбранный вчера под пункт наблюдения самим генералом, практически уже был готов к работе. Проложена проводная связь, замаскирован около строения «Додж» с радиостанцией.

Через оперативную группу Борманова, а также штаб 4-й воздушной армии, ее командующий генерал-майор Науменко оценивал воздушную обстановку на Кубани, ставил задачи перед командирами авиационных подразделений, организовывал взаимодействие с зенитной артиллерией фронта.

Вообще-то место для наблюдения было не очень удачное. Небольшие бревенчатые постройки, разрушенные и частично сожженные, сиротливо стояли на холме, посреди голого поля. Одно из строений – коробка одноэтажного дома с чудом сохранившимися стропилами – было выбрано для укрытия. На стропила солдаты набросили брезент, и получилась крыша от дождя. В подвале можно было укрыться при артобстреле, который частенько случался, когда немцы пеленговали радиостанцию.

Сохранившиеся участки стены строения были густо покрыты щербинами от пуль и осколков. О том, что здесь была сильная перестрелка, свидетельствовали побитые вокруг дома кусты и выбоины на одиноком дереве, растущем неподалеку. Немцы, судя по всему, сопротивлялись отчаянно. Все окрест было забито сожженной, подбитой и просто брошенной немецкой техникой; убитые в различных позах валялись на дороге, ведущей в станицу Крымскую; еще вчера серые бугорки трупов виднелись повсюду на изрытом траншеями поле, местами уже покрытом зеленой травкой. Сегодня их убрали.

Среднего роста, с крупной седой головой, в своей неизменной походной фуфайке, подранной на плече осколком после одного из недавних минометных обстрелов, генерал расхаживал перед строением и нетерпеливо ожидал, когда связисты наладят связь.

Время от времени он подносил к глазам бинокль и быстро осматривал горизонт. Но причин для беспокойства пока не было. Вокруг было тихо, лишь вдалеке слышалась пушечная канонада.

Патрульная группа «лаггов», поблескивая серебристыми крыльями в лучах восходящего солнца, неспешно барражировала над передним краем.

Наконец, не выдержав, Борманов повернул к автомашине изрытое оспинами смуглое лицо, крикнул грубоватым голосом:

– Тищенко, долго вы там будете еще копать?

Из крытого тентом «Доджа» тотчас показался поджарый, в годах, майор с наушниками и микрофоном в руках, а вслед за ним молодой, подвижный, весь как на шарнирах, старший лейтенант с табуреткой в руках – адъютант генерала.

– Готово, товарищ генерал!

Тищенко подал генералу наушники и микрофон, а старший лейтенант поставил перед ним табуретку.

Борманов садиться не стал. Сняв фуфайку со словами: «Долго я в рваной одежде буду ходить», – он сунул ее адъютанту. Тот, молча приняв фуфайку, сразу же побежал к мотоциклу, где у него хранились все походные принадлежности.

Генерал надел наушники и только собрался вызвать КП Исаева, командира 16-го гвардейского истребительного полка, которому он отдал команду выслать для патрулирования шестерку истребителей, как сквозь небольшое потрескивание в наушниках послышалось:

– Тигр! Тигр! Я Покрышкин! Иду на работу! Как обстановка?

О своем подходе сообщал командир высланной Исаевым патрульной группы. Борманов вспомнил широкоплечего капитана с орденом Ленина на груди, с которым беседовал в бараче.

– Я Тигр! Обстановка пока спокойная. Будьте внимательны. Скоро должны появиться «юнкерсы», – ответил генерал и подумал: «Новенькие. Как-то они себя сегодня покажут», – по привычке посмотрел на часы: восемь часов тридцать минут. Потом стал всматриваться в небо.

Через минуту со стороны Новороссийска с превышением одна над другой в несколько сот метров показались шесть темных точек. Они стремительно шли к земле в пологом пикировании. Вот уже можно различить очертания «этажерки» из шести «аэрокобр». На высоте двух тысяч метров шестерка выровнялась, потом резко выполнила горку и растаяла в небе, в стороне от солнца. И лишь волна уходящего грохота работы шести двигателей напомнила о ее присутствии мгновение назад над передним краем, но вот и она постепенно стала затихать.

– Здорово, товарищ генерал! – в восторге воскликнул майор Тищенко. – Посмотрите, какой у них запас скорости за счет пологого пикирования! «Прочесали» квадрат и опять ушли на высоту. И смотрите – они двигаются с таким расчетом, что солнце все время находится под углом девяносто градусов к траектории их полета!

– Понятно! – отозвался Борманов. – Если «мессершмитты» попытаются их атаковать со стороны солнца, как они это любят обычно делать, им придется вести огонь под те же девяносто градусов или под ракурсом четыре четверти. При такой угловой скорости перемещения цели вероятность попадания сводится к нулю. Согласен! Согласен, очень даже неплохо придумано!

В это время в наушниках послышалась команда ведущего: «Разворот на сто восемьдесят». И маятник, набирая скорость, начал движение в обратную сторону.

Но что это? Не прошло и нескольких минут, а около десятка «мессершмиттов», вывалившихся из-за облаков, уже пикировали с высоты на безмятежно крутившую карусель четверку «лагов».

Борманов схватился за микрофон, намереваясь поторопить патруль, но в наушниках уже послышалось: «Атакую! Речкалов, прикрывайте!»

«Кобра» в крутом пике стремительно сблизилась с ведущим немецкой группы. Сквозь вой моторов прорвался треск пушечной очереди, и красноносый истребитель свечой ушел вверх. «Мессершмитт» вспыхнул, от него полетели по сторонам какие-то куски, а то, что осталось, с воем понеслось к земле, оставляя за собой черный дымный след.

Остальные «мессеры» шарахнулись в разные стороны. Одного тут же в упор расстрелял ведущий из пары прикрытия шестерки «кобр».

И все. Бой закончился в считанные минуты. Теперь о нем напоминал лишь медленно опускающийся на парашюте немецкий летчик из второго сбитого истребителя.

– Здорово! – выдохнул майор Тищенко, наблюдавший за всем происходящим в воздухе, затаив дыхание.

– Передай Исаеву мою благодарность летчикам за проведенный бой, – невозмутимо, словно ничего особенного и не произошло, приказал Борманов. – Ты кормить меня сегодня будешь? – не то шутя, не то серьезно обратился он к адъютанту, который успел уже зашить его фуфайку и, стоя с нею в руках, ожидал, когда комдив обратит на него внимание.

– Один момент, товарищ генерал! – И адъютант опять побежал к мотоциклу.

Меж тем в небе было все спокойно. Немецкие бомбардировщики не появлялись, вероятно, из-за того, что с утра их истребителям не удалось расчистить небо. Шестерка «кобр», то исчезая в небесной глубине, то возникая вновь, мерно раскачивалась, как на качелях, над заданным районом.

Позвонил командующий авиацией фронта генерал-лейтенант Вершинин и справился, как идут дела. Борманов коротко доложил, а на вопрос, «что за номера откалывают новенькие», ответил, что еще не разобрался и доложит обо всем позже, когда выяснит все детали. Его непосредственный начальник, командующий 4-й воздушной армией генерал-майор Науменко наблюдал за утренним боем со своего командного пункта. Покрышкина он хорошо знал еще с сорок второго года, когда шли жаркие бои на Дону, поэтому его новшество он воспринял спокойно, словно так и должно было быть.

8

Транспортный «Ю-52» заходил на посадку. Измученный многочасовой болтанкой на пути из авиационной базы истребительной авиации в Кракове на Восточный фронт, посадкой, инструктажем в штабе 52-й эскадры, потом опять полетом, лейтенант Ханс Иохим Биркнер наконец прибывал к месту своей службы – в 3-ю группу 52-й эскадры истребительной авиации рейха.

Третья группа базировалась на Тамани, в районе станицы Тимашевская. Перед взором Ханса открылась величественная панорама: огромный разлив Кубани. Река затопила все плавни, слилась с лиманами и речушками: казалось, что Азовское море подступает к самой Тимашевской.

Южнее, к Черному морю, в небо подымались высокие столбы дыма – там шли бои. В штабе эскадры Биркнеру объяснили, что немецкие войска отчаянно сражаются за Таманский полуостров, стратегически важный участок, что впереди его ожидают ожесточенные воздушные бои – истребители должны наглухо закрыть небо для советских бомбардировщиков. Русские значительно укрепили свои силы в последнее время, у них появились новые истребители, так что придется попотеть.

Самолет мягко коснулся земли. В иллюминаторе видны были рассредоточенные по полю «мессершмитты», чуть дальше два ряда аккуратных палаток для пилотов и технического состава. Едва Биркнер выбрался из транспортника, как к нему подошел адъютант командира группы обер-лейтенант Треппе и вежливо предложил пройти к командиру.

Через минуту они спустились в просторный бункер, освещенный маленькими лампочками от аккумуляторов. Из-за стола, сложенного из двух ящиков для бомб, поднялся высокий, небрежно одетый, черноволосый капитан с Рыцарским крестом на шее – Гюнтер Ралль, лучший снайпер в 52-й эскадре, опытный, толковый летчик. Справившись о здоровье молодого офицера, Ралль без лишних слов принялся его инструктировать:

– Запомни наши правила. Здесь значение имеют только воздушные победы, а не звания. На земле все летчики соблюдают субординацию и строгую воинскую дисциплину. Однако в воздухе все по-другому. Каждое звено ведет тот пилот, который имеет больше побед, который обладает большим опытом и умением. Эти правила соблюдают все без исключения, в том числе и я сам. Если я полечу с унтером, имеющим больше побед, то ведущим пары будет он.

В воздухе часто бывает, что с языка в напряженной обстановке срываются такие слова, которые старшему офицеру никто не осмелится повторить на земле. Во время боя это неизбежно. Однако все, что ты комментируешь в воздухе, следует немедленно забыть, как только ты приземлишься. Ты начнешь летать с унтер-офицером, он будет в воздухе твоим ведущим. И не дай бог, если я узнаю, что ты ослушался его приказа в воздухе только из-за разницы в званиях. Хорошенько запомни все это!

Вдруг ожил громкоговоритель, соединенный с рацией. «Мы возвращаемся! Потеряли двоих! Освободите полосу!»

– Это Крупински? – спросил, оборачиваясь, Ралль.

Только сейчас Биркнер заметил в глубине бункера у рации двух операторов.

– Так точно, господин капитан. Это Крупински, – ответил один из них, тот, что был в очках.

Ралль молчал. Треппе, не дожидаясь указаний командира, отправился на старт, чтобы предупредить дежурного.

Спустя некоторое время в бункер спустились два летчика – один высокий, черноволосый, с лицом боксера – командир 7-й эскадрильи обер-лейтенант Вальтер Крупински, сорвиголова,

отчаянный пьяница и первый бабник в 52-й эскадре. За ним следовал белокурый, спортивного сложения парень с мальчишеским лицом – лейтенант Эрих Хартманн.

Об этой паре уже начали говорить в группе. Крупински, по натуре смелый и энергичный, охотно ввязывался в любую воздушную драку, но он был неважным стрелком. Хартманн же, напротив, оказался природным снайпером. Обычно он держался недалеко от своего ведущего, и когда тот отваливал, в очередной раз промазав, Хартманн стремительно сближался и всаживал в жертву пушечную очередь.

– Кто сбит? – сразу спросил Ралль.

– Немитц!

– Вилли?! Не может быть! – Ралль не верил своим ушам. – Вилли Немитц сбивал англичан в сороковом году над Ла-Маншем, имел победы здесь, на Восточном фронте, опытейший летчик, награжденный Рыцарским крестом... Невероятно! Как это произошло?

– Ничего не могу понять, Гюнтер, – отвечал Крупински, и вид у него был, как у побитого пса. – Все случилось в одно мгновение. Я только успел заметить, как на горку свечой ушла «кобра», а наш Немитц уже горит. По всей вероятности, он сразу был убит, потому что на позывные не отвечал и не пытался покинуть машину с парашютом.

– А второй?

– Не видел. Кажется, Шмидт. Мы с Буби были вверху. Когда Немитц загорелся, все кинулись в разные стороны.

– Вы чтонибудь видели, Хартманн? – спросил Ралль.

Все повернулись к белокурому юноше.

– Они были выше нас, – забавно растягивая слова, начал докладывать Хартманн. – Пикировали не все. Одна пара осталась наверху для прикрытия. Она-то и сбивала Шмидта, когда он метнулся наверх. Немитца атаковала «кобра» под номером 13 на большой скорости, поэтому предупредить его я не успел.

– Под номером 13, – задумчиво повторил Ралль. – У русских, если я не ошибаюсь, это число считается несчастливым. До сих пор этот номер нам не встречался, видимо, кто-то из новеньких. – Оператор! – резким голосом капитан окликнул дежурного радиста. – По эфиру проходили сегодня незнакомые нам фамилии?

– Были, господин капитан. – Радист торопливо заглянул в свой журнал: – Вот, нашел. Покрышкин, он, видимо, командир группы, и один из его летчиков – Речкалов.

В отряде был специально подготовленный радист со знанием русского языка, который, настроившись на волну русских летчиков, внимательно следил за их переговорами в воздухе. Вся собранная информация обобщалась и направлялась в штаб эскадры.

«Вероятно, – размышлял Ралль, – под номером тринадцать и летает этот Покрышкин».

– Вот что, Вальтер! – обратился он к Крупински. – Сейчас заправьтесь, подкрепитесь и поднимитесь с Хартманном в воздух. Осторожно пройдите над Крымской. Может, вам удастся встретить эту «кобру». Держитесь повыше, за облаками.

– Понятно, Гюнтер.

И оба летчика неспешно вышли из бункера. За ними направился и Биркнер, которому Ралль предложил устраиваться, познакомиться с людьми и осмотреться.

Когда Ханс поднялся наружу, Хартманн стоял невдалеке и о чем-то беседовал с коренастым техником – об этом можно было судить по замасленным штанам этого подвижного, улыбающегося человека. Увидев Биркнера, Хартманн хлопнул по плечу своего собеседника, бросив: «Подожди, Биммель, я сейчас», – быстро подошел к Хансу.

– Эрих Хартманн! – улыбаясь, представился он и протянул для пожатия руку.

– Ханс Биркнер.

– Новенький! – И, не дожидаясь ответа, спросил: – В какую тебя назначили эскадрилью?

– В седьмую.

– Отлично. Будем летать вместе. Вот что, проси, чтобы тебя определили ведомым к оберфельдфебелю Паулю Росманну. Я у него учился. Отличный парень: добрый, веселый на земле и строгий, спокойный учитель в воздухе. Я у него многому научился.

Потом Хартманн поинтересовался новостями из Германии. Едва Ханс начал рассказывать, как Эриха позвали: надо было готовиться к очередному вылету. Договорились встретиться вечером, на всеобщей эскадрильной пьянке, где будут пить за упокой души Немитца.

Биркнер с завистью смотрел вслед Хартманну: такой молодой, а уже так уверенно себя ведет, видимо, имеет победы в воздухе. «Смогу ли я быть таким?» – подумал Ханс.

9

Эскадрилья Покрышкина, как обычно, стремительно зашла на посадку. Едва истребители зарулили на стоянку, как к ним бросились техники, оружейники, стали выстраиваться в очередь бензозаправщики, автомашины с боеприпасами для подготовки самолетов к очередному вылету. Обычная аэродромная жизнь в войну.

В сторонке Покрышкин приступил к разбору боевого вылета.

– Значит так! – начал комэск. – Дистанцию вы выдерживали строго, маневрировали хорошо, четко взаимодействовали. Сбили двоих – одного я, второго, – он взглянул на Речкалова и тот кивнул головой, – второго Речкалов. Для начала неплохо. Отдыхайте, а я пойду докладывать на КП.

Он надел свою примятую фуражку и только собрался идти, как к ним подошли летчики из соседнего полка, вылетавшие на прикрытие на «Лаггах» первыми, и, перебивая друг друга, оживленно заговорили:

– Ну спасибо, ребята, выручили...

– Здорово вы их атаковали, они, похоже, даже не поняли, откуда вы свалились...

– Да, – сокрушенно почесал затылок молоденький лейтенант, – если бы не вы, наделали бы гады дырок в моей машине...

– Поменьше летайте безобидной стайкой, не будет и дырок, – сказал лейтенанту Гриша Речкалов. Сняв шлемофон, он вытирал вспотевший лоб платком. Гимнастерка на его спине, впрочем, как и у всех из их пятерки, была в темных разводах пота.

– Да, ребята, – поддержал Речкалова Покрышкин, – ваша тактика себя уже изжила. Теперь надо воевать по-новому.

– Как это по-новому, товарищ капитан? – спросил его молоденький лейтенант.

– Гвардии капитан! – вставил острый на язык Речкалов.

Лейтенант смутился. Присмотревшись, Покрышкин узнал его – это был тот лейтенант, с которым они вместе подстригались в Краснодаре.

– А вот так, – начал Александр, но закончить свою мысль не успел.

– Ты что же это, чертяка, – захохотал кто-то невдалеке, с характерным волжским оканьем, – пока мы плаваем по морям и болотам, ты здесь фрицев крошишь?

Энергично размахивая руками, широким шагом к ним приближался русоволосый гигант с развевающейся рыжей бородой. За ним торопливо семенил невысокий, коренастый майор. Схватив Покрышкина в свои могучие объятия и несколько раз стиснув, здоровяк воскликнул, да так, что его, наверное, услышали на другом конце аэродрома:

– Сашка! Слышал я, ты по-новому, по-нашему действовал!

– Да, Вадим, как было заранее оговорено, – сдержанно, даже несколько застенчиво от столь бурного проявления дружеских чувств на людях, ответил Покрышкин.

– Поздравляю! Кто воюет по-старому, тот одни дырки привозит. Верно я говорю? – неожиданно обратился гигант к молодому лейтенанту, во все глаза рассматривающему эту необычную фигуру среди невысоких летчиков. И было непонятно, спрашивает он всерьез, или насмешничает.

– Верно, – неуверенно ответил лейтенант, на всякий случай отодвигаясь от незнакомца за спины товарищей.

Подошел невысокий майор.

– Хорошо начали! – радостно заговорил он, пожимая всем руки. – Звонил комдив, просил передать, что доволен вашей работой.

Это был штурман полка Пал Палыч Крюков, один из немногих оставшихся в живых, с кем Покрышкин встретил войну в Молдавии. Его все уважали в полку не только за боевые заслуги, но и за спокойный, уравновешенный характер и даже за манеру держаться с людьми.

– Пошли на КП! – предложил гигант и, обхватив Покрышкина за плечи, увлек за собой.

Это был Вадим Фадеев, приятель Покрышкина, командир той третьей эскадрильи, которая сбилась с курса и вот, наконец, прилетела в Краснодар.

Познакомились они в январе 1942 года в Донбассе. Тогда стояли на редкость крепкие морозы, кабины на «И-16» не обогревались, и летчики отчаянно мерзли.

Как-то на их аэродроме приземлился «ишачок» из соседнего полка и подрулил прямо к землянке, где отдыхал летный состав. Из кабины истребителя вылез здоровенный, широкоплечий детина с черным от холода лицом и рыжей бородой. Первое, о чем сразу подумали выпавшие из землянки летчики – как такой гигант смог уместиться в маленькой кабине «И-16»-го? Но здоровяка это обстоятельство совершенно не смущало.

Окинув взглядом собравшихся, с любопытством взиравших на его появление, незнакомец улыбнулся, поднял в приветствии руку и пророкотал звучным басом: «Привет героическому воинству!» Потом подошел к стоявшему с краю Покрышкину, протянул ему свою широченную ладонь, стиснул, словно тисками, протянутую в ответ, и представился: «Сержант Фадеев». Услышав: «Покрышкин», – тут же прокомментировал: «А, Покрышкин! Знаем... Как же, газеты читаем».

По всему чувствовалось, что этот парень знал себе цену и его не смущала разница ни в возрасте, ни в званиях. Говоря о газетах, он имел в виду публикации в фронтовых выпусках местных газет, в которых неоднократно сообщалось о героических делах летчиков 16-го авиаполка. О самом Фадееве в дивизии тоже много чего знали, даже слагали о нем легенды. Рассказывали, как в начале войны в Молдавии на своем «И-16» он уничтожил целую колонну румынских кавалеристов. Сначала стрелял по ним из пулеметов, а потом снизился до бреющего и стал рубить их винтом самолета. От рева мотора лошади буквально взбесились, перестали повиноваться, и колонна разбежалась в разные стороны.

А уже этой зимой под Таганрогом, совершив вынужденную посадку на нейтральной полосе перед нашим передним краем, он ухитрился поднять пехотинцев в атаку, и они захватили стратегически важную высоту и одновременно его самолет. Пока начальство разбиралось, кто это организовал наступление, Фадеев успел отбуксировать свой самолет за линию фронта, подлатать его и улететь. Было и многое другое.

На этот раз на аэродром 16-го авиаполка он сел вынужденно. После воздушного боя в баках закончилось горючее. Пока техники заправляли его самолет, подошло время ужина, и вместе со всеми Фадеев отправился в столовую.

В столовой Вадим снял меховой комбинезон, и все увидели на его груди новенький орден Красного Знамени. В первые годы войны, во время отступления, боевыми орденами в Красной Армии награждали редко, и такой орден на груди летчика вызвал у всех невольное уважение. Усевшись за столик, Фадеев тут же достал из кармана гимнастерки какую-то бумажку и аккуратно положил ее перед собой. Покрышкин взял ее и прочитал вслух: «Сержанту Вадиму Фадееву во всех БАО отпускать по две порции питания. С. Красовский». Записку выдал сам командующий армией. Габариты этого летчика были столь велики, что ему требовался двойной продовольственный паек и индивидуальный пошив одежды и обуви. Никакое готовое обмундирование ему не годилось.

Вторично они встретились в конце июля сорок второго года в Дагестане. Тогда командованием воздушной армии было принято решение вывести 16-й гвардейский истребительный полк на отдых, переформирование и прием новых самолетов. Старые в городке Тулатово были переданы в полк Дзусова, а личный состав полка на грузовых машинах двинулся на юг, в район Баку.

Старенький «ЗИС-5», на котором ехала эскадрилья Покрышкина, миновав город Дербент, потерял управление, и летчикам, чтобы не свалиться со злосчастным грузовиком и его неопытным водителем в пропасть, пришлось выпрыгивать из него на ходу. При этом серьезно пострадали комиссар полка Погребной, летчики Федоров и Шульга.

Раненых привезли в госпиталь городка Белиджи, где после ранения поправлялся Фадеев. Покрышкин, совершенно случайно увидев его в госпитале и узнав, что он практически здоров и через пару дней должен отправиться в Баку, где в то время собирались все «безлошадные», тут же предложил ему перейти в свой полк. Фадеев не колебался, ведь у него появилась возможность попасть в гвардейский полк, где к тому же его уже знали. Александр тут же представил Вадима командиру полка Исаеву, заверил, что тот отличный боевой летчик, и вопрос был решен положительно.

Позже они подружились. И не удивительно: слишком много у них было общего. Оба беззаветно любили авиацию, были храбрые, физически сильные, предпочитали резко пилотировать. Понимая друг друга с полуслова, они охотно общались в свободное от службы время.

– Ну как было дело, Саша?

Фадееву не терпелось самому поскорее ринуться в бой.

– Понимаешь, Вадим, – охотно откликнулся Александр, – вначале все шло нормально. Немцы нас не видели, увлеклись «лаггами». Пилот, которого я атаковал, среагировал с опозданием на полсекунды. Этого оказалось достаточно, чтобы его срубить одной очередью, в упор...

– Понятно... «Соколиный удар»...

– Точно, «соколиный удар». Это хорошо. Но дальше со мной произошла досадная неприятность. Слишком резко переломив машину из-за опасности прямого столкновения с горящим «мессером», я на какое-то мгновение потерял сознание от большой перегрузки. Пришел в себя, смотрю – немцы врассыпную, горит уже второй. Позже выяснилось, его Речкалов подбил. И тут мне в голову пришла мысль – а скоростью тоже надо управлять с толком.

– Не понял?

– Понимаешь, скорость нужна при поиске врага и для занятия выгодного исходного положения перед боевым маневром. А в ходе самой схватки сильно разгоняться опасно. Твой избыток скорости немец может использовать в своих интересах. Приглушит резко двигатель, вынудит тебя проскочить мимо, окажется у тебя в хвосте и займет выгодную для атаки позицию. Понял?

– Теперь понял. Мысль дельная. Нужно это учесть. Однако идем на КП, там тебя уже Исаев дожидается.

По дороге на КП их остановил незнакомый капитан.

– Заместитель командира 267-го истребительного полка капитан Исаенко, – козырнув, представился незнакомец. – Прибыл для согласования совместных действий в воздухе. Мы тоже стоим здесь, в Краснодаре.

Покрышкин молча пожал плечами, что означало: «Вместе, так вместе», но вслух сказал:

– Моя группа вылетает через тридцать минут.

Он хотел идти дальше, но тут в разговор включился Фадеев:

– Говорят, у вас «лагги», словно куропатки, над самой землей летают. При таких условиях нам трудно будет взаимодействовать, капитан!

Старшего лейтенанта Фадеева, кажется, совершенно не смущало, что он разговаривает с офицером, старшим его по должности и званию, и что его тон может задевать самолюбие этого офицера.

– Опыта у вас, по слухам, больше, чем у нас, – сдержанно ответил Исаенко. – Да и самолеты в вашем полку, говорят, высший класс. Вот и просим прикрыть в случае чего.

Покрышкин недоверчиво посмотрел на Исаенко: уж не разыгрывать ли надумал их этот капитан. Но нет, выражение лица заместителя командира полка было серьезным. Ему было

не до розыгрышей. Он понимал, что этот бородатый самоуверенный старший лейтенант был действительно прав, летали они низко, но что поделаешь – командование требовало придерживаться высоты немецких бомбардировщиков.

– Ладно, прикроем, – скороговоркой бросил Покрышкин, давая понять, что разговор окончен, и они разошлись.

Действительно, когда час спустя «лаги» схлестнулись с «мессершмиттами» в лобовой атаке, шестерка «кобр» ударом сверху сбила двоих, развеяв напрочь воинственный пыл немцев. Вслед им летчики Исаенко тоже сбили одного «худого».

После вылета заместитель командира полка вновь пришел на стоянку 1-й эскадрильи обменяться впечатлениями и поблагодарить за помощь в бою. Покрышкин готовился к очередному, четвертому за этот день боевому вылету.

– А ребята у вас ничего, не из робкого десятка, – заметил он. – Только не пойму: чего вы к земле все время жметесь? В облака попадешь – не убьешься. Слышал такое присловие, капитан?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.